

Л.И. Сараскина

Георгий Гачев — безоглядный созерцатель философских глубин

Встречаясь в течение двадцати лет в клубе «Свободное слово», который работал в Институте философии РАН со многими известными людьми и яркими личностями, я могу уверенно сказать, что Георгий Дмитриевич Гачев был одним из самых оригинальных умов нашего времени.

Кому-то для того чтобы оставаться философом, следует, по слову Ф. Ницше, выразительно молчать. Философу Георгию Дмитриевичу Гачеву было не опасно говорить, писать, думать вслух — он был человеком с редким даром философствования *вживую*. Живой звук мысли был его родной стихией.

Он отважно осваивал жанр *самопредставления*, или, как он его именовал, *исповести*. Но богатое существование Гачева в этом жанре ничего общего не имело с самодовольством, самолюбованием, самохвальством и тем более — с саморекламой. Его знаменитые монологи о себе были на редкость достойны и целомудренны.

Часто философа Гачева квалифицировали еще и как культуролога. Эта сравнительно новая наука в его интерпретации счастливым образом крепла, прояснялась, наполнялась живым смыслом и творческой энергией, обретала свой собственный, а не заемный предмет. Так, теория *ускоренного развития культуры* на примере литературного пути Чингиза Айтматова неопровержимо подтверждала: этот писатель стал для своего народа и Гомером, и человеком эпохи Возрождения, и романтиком, и реалистом, и модернистом. Айтматов для своего народа действительно покрыл своим творчеством весь литературный и культурный горизонт.

Сам же Чингиз Айтматов писал о Георгии Дмитриевиче: «Гачев пытается привить древо познания к древу жизни. Меня всякий раз удивляет стихия его воображения, способность видеть уникальное и привычном»¹.

Культуролог Гачев следовал *презумпции непонимания* и никогда не скрывал границ своей компетенции, отчетливо видя те сферы, которые оставались для него недоступными. Он заглядывал в суть вещей, откапывал ее в глубинах языка, высекал из слов их смысловые ядра. Он был отважен и дерзок как исследователь философских, культурных и литературных стихий. И стал безоглядным созерцателем философских глубин.

У меня есть несколько книг, подаренных мне Георгием Дмитриевичем, с дивными, трогательными надписями. Пожалуй, самая среди них драгоценная — «Русская дума. Портреты русских мыслителей» с литографиями художника-графика Юрия Селиверстова. Книга-альбом, вышедшая в 1991-м и подаренная мне 5 января 1993-го. Георгий Дмитриевич подписал мне эту книгу, обыграв

название: «Людмиле Сараскиной — РУССКАЯ ДУМА на разДУМье на русском расПУТЬе, зима 1992-93». Это был тот самый случай, когда из слов рукой Мастера высечены их смысловые ядра. И конечно, это пример уникального сотворчества художника-мыслителя и писателя-мыслителя: ведь, как известно, первоначально возникла серия литографий, а затем к ним был написан цикл литературно-философских портретов.

Это был уникальный, знаковый опыт, осуществленный буквально по слову Александра Блока. «Так же, — сказал поэт, — как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг друга философия, религия, общественность, даже — политика. Вместе они образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры. Слово и идея становятся краской и зданием; церковный обряд находит отголосок в музыке; Глинка и Чайковский выносят на поверхность “Руслана” и “Пиковую даму”, Гоголь и Достоевский русских старцев и К. Леонтьева, Рерих и Ремизов родную старину. Это признаки силы и юности; обратное — признаки усталости и одряхления»².

Книга Гачева вышла, когда художника, Юрия Селиверстова, уже не было в живых. Но тем более «Русская дума» осознавалась автором портретов русских мыслителей как совместная попытка осмыслить, что же оставил нам девятнадцатый век русской культуры и литературы. Гачев считал его веком взлетов, катастроф, трагедий, мечтаний, разочарований, восторгов. «Да мы ж на золоте сидим, — восклицал он, — для ума, осмысления, литературы! Века про эти наши опыты писать-обдумывать — и еще не разгрести, не расхлебать... Если Ум человечества попытается страданиями поколений — то недаром они были: опыты, блуждания, трагедии, жертвы нашей истории»³.

Двадцать шесть портретов, от Пушкина и Чаадаева до Бахтина и Лосева, написаны неподражаемым гачевским языком, где его Пушкин — «наш Бог-Слово»⁴, его Тютчев — «самостоятельный Бог-Творец мироздания»⁵, его Достоевский — «это тот, кто пережил смерть (Голгофу) — и воскресение»⁶. И так обо всех двадцати шести великих деятелях; здесь концентрат, квинтэссенция всей русской духовной культуры. Без этих портретов не может обойтись ни один историк, ни один филолог, и несомненно — более всего это философский портрет самого Георгия Дмитриевича Гачева, отважного мыслителя и философа.

Непременно я должна также вспомнить, что он был отважен и как читатель. В разгар жестоких нападков на А.И. Солженицына в связи с его книгой «Двести лет вместе» Георгий Дмитриевич публично, на обсуждении первого тома в Доме русского зарубежья в июле 2001 года, сказал:

«Читаю книгу Солженицына про Россию и еврейство. Это — Эверест

творчества Солженицына. И понятно, что восхождение на эту сложнейшую и опасную тему позволил он себе предпринять в позднем возрасте, когда человек выходит в мудрость, в статус старца-аксакала, кто может объективнейше рассудить этот исторический спор-тяжбу. А в мире ныне нет человека и мыслителя, кто бы обладал таким богатейшим опытом жизни и размышлений, кругозором такого диапазона, как Солженицын. Ему и карты в руки, но и — долг и призвание почувствовал: помочь всем сторонам разобраться в этой проблеме, как говорят, *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). Хотя нет, дышит тут страсть, любовь к кровоточащей и обесчещенной ныне России, и она питает творческим огнем немолодые уже силы. <...> Книгу Солженицына читаешь, как смотришь античную трагедию. И в функции трагического героя выступает Россия»⁷.

Я с волнением цитировала это высказывание Г.Д. Гачева в моей ЖЗЛ-ской книге о Солженицыне, которая вышла в свет 5 марта 2008 года, за 18 дней до кончины Георгия Дмитриевича. Так он стал одним из ее замечательных, значительнейших героев...

Хочу заметить, кстати, что эти слова Гачева, опубликованные, как и вся дискуссия, в сентябре 2001 года журналом «Москва», существенно повлияли не только на ход внутренней полемики, но и на вектор международной дискуссии. Вскоре после публикации в журнале «Москва» в русский Интернет попало письмо израильского публициста и политического аналитика Александра Этермана — «Несколько слов о “солженицынской дискуссии”, вернее, об атаке на книгу Солженицына “Двести лет вместе”». Автор предлагал посмотреть на «погромную дискуссию» из далёкого будущего. «Лет через пятьдесят никто и не вспомнит о нынешней дискуссии, да и о диспутантах тоже. Книга Солженицына останется одна, без нас, и, если я хоть что-нибудь понимаю в историографии, она и станет истинной историей российского еврейства. Знак равенства между ними, тот самый, которые незадачливые полемисты пытаются зачеркнуть, навсегда соединит их — историю и книгу... Ибо теперь эта книга и есть история... Ничто не мешало нам самим написать такую книгу — только мы его, как водится, упустили. Пришло время бить себя в грудь. Вовремя не подумали. Вовремя не написали. Вовремя ни в первый, ни во второй том не вошли»⁸. (Обстоятельную статью А. Этермана «Обернись в слезах» Солженицын благодарно упомянет в декабре 2002 года в интервью «Московским новостям»: «Она прямо-таки то, о чем я мечтал, то есть мое движение найти взаимопонимание — встречено и понято. Протянутая навстречу рука. Необычайно ценная статья, прямое дополнение к моей книге»⁹.)

Несомненно: культурный и духовный авторитет Г.Д. Гачева в этом случае сыграл свою выдающуюся роль.

Философия и способы философствования Гачева гармонизировали сознание его читателей и почитателей. Мне кажется, его философия гармонизировала и его собственную жизнь. Он много писал о своей семье — жене и дочерях. Философски и во многом как художник воспел труды и радости семейного человека. Три женщины в его доме не только не были раздавлены его интеллектуальной мощью, не только не были его слабой тенью, но цвели пышно и самостоятельно, каждая в своем саду.

Эти сады по-разному прекрасны, и не могли не быть таковыми, ибо и корни и кроны их зримо и щедро одухотворены счастливой близостью к единственному в своем роде жизнотворчеству Георгия Дмитриевича Гачева.

Сейчас много говорят и пишут о том, какой должна быть семья, каковы должны быть семейные ценности; рекомендуют единые параметры, предлагают единственно правильные критерии семейной гармонии. Однако категория стандартов или арифметических правил плохо подходит и к мирам, и к человеческим оркестрам, и, по выражению Гачева, к «возлюбленной непохожести народов земли».

В частной жизни Георгия Гачева, о которой он азартно и вдохновенно писал, были задействованы, мне кажется, самые естественные, а значит, самые надежные связующие силы (или, как сейчас говорят, скрепы): любовь, еще раз любовь, а еще взаимное уважение и свободное творческое сотрудничество. Гачев строил и свою семейную жизнь, и свою общественную деятельность, и свою философскую систему как творческий поиск, как необходимый разогрев сил и ума человеческого — чтобы, как он писал, «в промозгом космосе не свалиться на обломовский диван, на uspение в медвежью берлогу»¹⁰. Нет и не может быть единых рецептов, нет и не может быть арифметических нормативов... «Хватит давать итогов, как пилюль готовых к пониманию»¹¹, — таковы были рекомендации Гачева-философа и культуролога. Нужны годы исканий, изучений и размышлений. «Теперь поразмышляйте-ка со мною, читатель!»¹² — призывал на страницах своих книг Георгий Гачев.

Наша конференция — качественный, благодарный ответ на его призыв.

- 1 См.: *Гачев Г.Д.* Вещают вещи, мыслят образы. М.: Академический Проект, 2000. С. 496 (Окна и Зеркала).
- 2 *Блок А.* Без божества, без вдохновенья. Цех акмеистов // *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 6. С. 175–176.
- 3 *Гачев Г.Д.* Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991. С. 8.
- 4 Там же. С. 9.
- 5 Там же. С. 16.
- 6 Там же. С. 33.
- 7 См.: В историческом пространстве хватит места для всех... Дискуссия по книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе» (1795–1995. Ч. I. // Москва. 2001. № 9. С. 212–213.
- 8 Цит. по: *Сараскина Л.* Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 881.
- 9 *Солженицын А.* «Человеку всякая правда нравственно нужна» // Московские новости. 2002. 25 декабря.
- 10 *Гачев Г.Д.* Русская дума. Портреты русских мыслителей. С. 144.
- 11 Там же.
- 12 Там же.